

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ НАРОДОВ КОМИ: ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ ИЛИ БАЗА ДЕЗИНТЕГРАЦИИ?

Юрий Шабаев

Сыктывкар

Сфера этнической психологии привлекает все более пристальное внимание специалистов. Это вполне закономерно, поскольку современное индустриальное общество, переживающее новый этап модернизации, все более утрачивает региональную и этническую специфичность и этническая психология наряду с языком становится важнейшим отличительным признаком этноса.

Этническое самосознание по своей природе - групповое и потому тесно связано с социальной и территориальной организацией этноса, т.е. может существенно различаться у городского и сельского населения, у разных территориальных групп этноса, в разных социальных слоях. Вместе с тем этими же особенностями обусловлена методика сбора информации, касающейся самосознания и, в частности, самосознания коми. На наш взгляд, здесь наиболее эффективными являются методы этносоциологии.

Этническое самосознание проявляется прежде всего на личностном уровне, но это лишь форма его проявления, ибо сущность национальной психологии состоит в известном противопоставлении "Мы - Они". "Конкретное изучение национального самосознания сложно потому, что трудно подыскать индикаторы, адекватные каждому из его элементов. Даже у одного народа оно может проявляться в гордости своими историческими деятелями и героями войны, то аккумулироваться вокруг юбилея крупного исторического события или же сосредоточиться на празднике песни или имени спортсмена, выигравшего мировое первенство. У разных народов в один и тот же период времени оно фокусируется вокруг разных символов" (1).

Однако сводить самосознание этноса к каким-то символам было бы явным упрощением, ибо здесь нам важно знать, каково самопо-

нимание и самоощущение представителей данного народа, как оно формируется под влиянием определенных условий. Условия эти в значительной мере зависят от характера межэтнического взаимодействия, степени влияния на этнос со стороны соседей и реакции на это влияние. У разных народов это взаимодействие складывается по-разному, что зависит от многих причин, но, как правило, этносы, относящиеся к одному типу культуры и живущие в сходных условиях, не слишком сильно разнятся в данном отношении и имеют близкий характер этнической идентификации. Поэтому наш анализ этнического самосознания у народов коми можно отнести не только к самим этим народам, но также и к другим финно-угорским народам России.

Финно-угры сыграли важную роль в становлении Российского государства и формировании самого русского этноса. Ныне в России проживает 15 финно-угорских народов, общая численность которых составляет лишь около 4% населения страны. Из 21 национальной республики и 10 автономных округов 5 республик и 3 округа - это финно-угорские регионы. Среди них Республика Коми и Коми-Пермяцкий автономный округ, который, кстати, был первым национальным округом в бывшем СССР. Два эти национально-государственные образования с начала 20-х гг. и до 1936 г. предпринимали неоднократные попытки объединения, которые не были поддержаны центральными властями. Этот проект, однако, не остался в прошлом и сегодня активно дискутируется коми национальным движением в различных формах: от идеи глубокой интеграции двух национальных территорий (2) до требования "воссоединения искусственно разделенного народа" (3).

Общая численность коми, по данным переписи населения 1989 г., составляет 345 тыс. чел., при этом их доля в населении республики равняется лишь 23%. В 1926 г. доля коми составляла 87%, но уже в 50-е гг. они на своей этнической территории превратились в национальное меньшинство (4). Столь стремительное изменение этнической ситуации было связано с бурным индустриальным развитием республики: освоением угольных, нефтяных, газовых месторождений и созданием сопутствующих производств. Индустриальное развитие потребовало привлечения в республику большого количества специалистов и квалифицированных рабочих. Интенсивная внешняя миграция многократно превышала естественный прирост на протяжении нескольких десятилетий и кардинально изменила национальный состав населения. Индустриализация привела также к тому, что аграрный регион превратился в высоко урбанизированный, а коми, которые являлись сугубо сельским этно-

сом, стали народом с высокой долей городского населения и, естественно, более развитой социальной структурой: в 1926 г. только 1,5% коми являлись городскими жителями, сегодня около половины представителей титульной национальности - горожане.

Численность коми-пермяков, по данным последней переписи населения, составила 152 тыс. чел., их доля в населении Коми-Пермяцкого округа равна 60%, что является наивысшим показателем среди всех национально-государственных образований финно-угорских народов. При этом коми-пермяки продолжают оставаться сельским этносом, ибо доля городского населения в округе равна лишь 30% и представители титульного этноса - это только треть всех горожан (5). Низкий уровень урбанизированности округа связан с тем, что в индустриальном отношении он остается слаборазвитым регионом, ибо в течение многих десятилетий здесь не осуществлялось сколько-нибудь активного промышленного строительства.

Коми и коми-пермяков нередко отождествляют, считая их одним народом. Для этого есть основания. У них единый этноним, самоназвание - коми, хотя русские называли коми "зырянами", а коми-пермяков - "пермяками". Языковеды считают коми и коми-пермяцкий языки двумя основными наречиями единого языка коми (6). Но вместе с тем надо иметь в виду, что уже в XIV-XV вв. коми и коми-пермяки сформировались в два разных этнотерриториальных объединения: Пермь Вычегодскую и Пермь Великую, что их исторические судьбы значительно различаются (в частности, коми всегда были государственными крестьянами, а коми-пермяки в основной своей массе - крепостными), что традиционное хозяйство у каждого из этих народов имеет свою специфику и что, наконец, этническое самосознание у них заметно различается.

Безусловно, проблема этнического родства между коми и коми-пермяками требует своего разрешения. Данный вопрос, конечно, не решается посредством простой апелляции к "общественному мнению", но мы все же отметим, что в массовом сознании не наблюдается проявлений чувства "глобальной" коми идентичности. Попытка использовать в качестве индикатора опрос экспертов тоже была весьма показательной. Опрос 1993 г. в г. Кудымкаре, когда в качестве экспертов мы использовали наиболее "продвинутой" часть коми-пермяцкой интеллигенции (научные работники, управленцы, деятели культуры), показал, что и эта часть народа не может определиться с вопросом о том, являются ли коми и коми-пермяки единым этносом. Мнения разделились: меньшая часть экспертов считает, что это единый этнос, другие отрицают это.

Очевидно, что если бы общая идентичность наличествовала в форме каких-то устоявшихся представлений, то характер ответов экспертов был бы более однозначен. Учитывая же особенности развития коми и коми-пермяков в XX столетии, трудно предположить, что в это время могло сформироваться единое общенациональное сознание коми. Дело в том, что еще в начале этого столетия у различных групп коми сохранялось локальное самосознание и, кроме того, многие группы были разделены административными границами. Так, основная часть коми была расселена в пределах Печорского уезда Архангельской губернии и Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, а коми-пермяки проживали в Пермской и Вятской губерниях. Создание в 1921 г. Коми Автономной области и объединение всех коми в ее границах способствовало национальной консолидации коми-зырян и выработке у них единого самосознания. Данные опросов населения, проведенных в республике в 80-е гг., подтвердили, что прежнее локальное самосознание у коми практически исчезло, уступив место общему этническому сознанию. Правда, это не коснулось локальных групп коми, проживающих далеко за пределами республики. Одна из наиболее стабильных таких групп - обские коми, проживающие на Нижней Оби. Эта группа сохраняет четкое локальное самосознание, и ее представители обычно заявляют: "Мы не коми, мы - зыряне, а коми живут там за Уралом" (7).

Примерно аналогичная ситуация и у коми-пермяков. Случилось так, что при создании округа в 1925 г. две этнографические группы, а именно язвинские и зюздинские коми-пермяки, оказались за пределами его административных границ. Зюздинцы проживают в Афанасьевском районе Кировской области, а язвинцы - на севере Пермской, в Красновишерском районе. Оказавшись за пределами Коми-Пермяцкого округа, эти группы развивались изолированно и активно ассимилировались. В результате зюздинцы практически исчезли как группа, ибо переписью 1989 г. в Афанасьевском районе зарегистрировано только 318 коми-пермяков. А язвинцы последний раз регистрировались в переписных документах как коми-пермяки только во время переписи 1926 г. Тем не менее эта группа сохранилась, хотя ее численность сократилась примерно до 2 тыс. чел. При этом язвинцы сохраняют специфическое местное самосознание: "Мы не русские и не коми-пермяки, считаем себя пермяками", - говорят они (8).

На территории округа процессы этнической консолидации также привели к возникновению общенационального сознания, хотя некоторые "отзвуки" локального самосознания сохраняются и

ныне, что связано со слабым уровнем интегрированности севера и юга округа из-за отсутствия дорог с твердым покрытием, надежной связи, единой энергосистемы, единого хозяйственного комплекса, а также с тем, что север и юг как бы разделены анклавом русского старожильского населения - юрлинцами.

Можно предположить, что объединение коми-зырян и коми-пермяков в рамках одного национально-государственного образования при условии создания единого хозяйственного комплекса, надежной общей инфраструктуры и общенациональных культурных институтов привело бы к формированию и единого самосознания коми, складыванию единой нации. Хотя современные дискуссии в Мордовии, связанные с попытками теоретического обоснования существования двух мордовских этносов (эрзя и мокша) и отрицанием значения интеграционных процессов последних десятилетий, позволяют усомниться в неизбежности такого процесса.

Основой этнического самосознания является чувство этнической идентичности, этническая солидарность. Как показывают результаты массовых опросов населения, этническая солидарность у народов коми ослабевает, причем особенно ошутим этот процесс среди городского населения, где весьма заметна доля респондентов, отрицающих наличие каких-то устойчивых связей между представителями собственного народа. Однако большинство все же считает, что существует целый ряд элементов идентификации, которые способствуют формированию чувства этнической общности у коми. Наибольший вес среди элементов идентификации сохраняет национальный язык, как признак, который более всего сближает (этноинтегрирующий фактор) и отличает их от других народов (этнодифференцирующий фактор). Материальная культура практически утратила свое значение как элемент идентификации, так как традиционные ее черты во многом исчезли, а современные несут этнической нагрузки. Заметный вес имеет традиционная духовная культура, но если у коми она в массовом сознании воспринимается примерно столь же значимой, как и профессиональная художественная культура народа, то у коми-пермяков значение последней минимально, что связано с ее реальным положением в обществе, с ее явно недостаточным развитием. Более высокий уровень развития профессиональной художественной культуры и большая степень ее воздействия на массовое сознание определили и то, что для коми гораздо более значимым элементом идентификации является гордость за прошлое своего народа. Развитая профессиональная культура, наличие национальных средств массовой информации и широкого слоя национальной интеллигенции по-

зволяет формировать более целостный и привлекательный образ народа и его истории и поднимает их престиж в массовом сознании этноса. У коми-пермяков уровень образования сельского населения, к примеру, на 2,5-3 года обучения ниже, чем в Пермской области в целом (9), доля лиц с высшим образованием намного ниже, чем у коми (10), наиболее образованная часть этноса уже покинула округ (с 1959 по 1989 гг. численность населения в округе сократилась с 236 тыс. до 160 тыс. чел., а доля коми-пермяков, проживающих за его пределами, возросла за этот же период с 12% до 38%). Национальных средств массовой информации в округе нет совсем, нет высшей школы, а остальные культурные институты развиты очень слабо и не способны оказывать значительного влияния на массовое сознание этноса. Не случайно данные массового опроса 1992 г., проведенного нами в округе, свидетельствовали о быстром разрушении позитивного образа собственного народа у коми-пермяков; они же показали, что гордость за его прошлое проявляется у очень незначительной части респондентов.

Характерно, что многие респонденты затрудняются предметно определить, как именно они могут идентифицировать себя как представителей данного народа, и подчеркивают "трудноуловимость" чувства идентичности. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что для современных коми не столь уж и очевидны признаки этнического сходства и различия между ними и полиэтническим окружением, они не "опредмечены" в их сознании, особенно в сознании молодежи. Несомненно, испытывать чувство гордости за прошлое своего народа, отмечать значимость национальных обычаев и традиций или национальной литературы, искусства можно лишь при предметном знании исторического прошлого, особенностей культуры народа, чтении произведений национальных литераторов и т.п. Данное утверждение можно обосновать тем, что более образованная часть респондентов отмечает обычно конкретные признаки идентификации, и не только столь очевидные, как, например, язык или особенности материальной культуры. Кроме того, наибольшую консолидированность с этносом проявляют как раз работники умственного труда и высококвалифицированные рабочие, но из числа сельских жителей.

Такие же процессы, как у коми, происходят и у удмуртов, где, по оценке В.В.Пименова, общий характер и темп сокращения этничности таковы, что в ближайшем будущем вряд ли можно ожидать резкого ослабления этих процессов (11).

Если у коми-пермяков, как мы уже отметили, происходит активное разрушение позитивного образа собственного этноса, то

обобщенный психологический портрет народа коми, согласно данным массового опроса коми 1987-1988 гг., выглядит весьма позитивно: в представлениях сельских коми их соплеменники - это хозяйственные, трудолюбивые, жизнерадостные, уважающие чужие вкусы, упорные и честные люди; в представлениях городских коми - хозяйственные, упрямые, трудолюбивые, уважающие чужие обычаи и вкусы, упорные, жизнерадостные люди (12).

Вместе с тем надо отметить, что разрушение позитивного образа собственного этноса наблюдается и у коми, особенно у городской молодежи. Ученики городских школ часто стесняются назвать свою национальную принадлежность, как отмечают педагоги, ибо психологическими тестами "в выборках русских испытуемых обнаружена этническая предубежденность к представителям коренного этноса, выявлен феномен внутригруппового фаворитизма, а у коми молодежи отмечен низкий уровень самоуважения и самопринятия" (13).

Дополнительным свидетельством эрозии этнического самосознания является тот факт, что во время опроса учащейся молодежи в марте 1997 г. (проект "Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование") среди учеников городских школ, у которых оба родителя являются коми по национальности, четверть назвала себя русскими.

Логично предположить, что при сходном типе хозяйства и природно-географических условиях, при языковой, культурной и территориальной близости у коми и коми-пермяков должны были сформироваться сходные психологические качества. Однако этнический идентитет коми-пермяков на деле оказывается весьма специфичным и существенно отличается от этнического самосознания коми. Видимо, существенную роль здесь сыграло то обстоятельство, что долгое время эти народы развивались изолированно друг от друга и их исторические судьбы складывались по-разному. Особое значение при формировании национальной ментальности коми-пермяцкого этноса имела русская колонизация и русское культурное влияние.

Вот свидетельство И.Н.Смирнова: "В настоящее время наиболее чисто сохранившиеся пермяки занимают долину Иньвы, но и здесь дело обрусения дало уже важные результаты: заводы - Майковский, Пожвинский... являются пунктами, из которых исходит естественная русификация. Волости Майкорская и Купресская - и в особенности селения, по имени которых носят они свои названия - представляются уже в значительной степени обрусевшими... Здешний пермяк желал бы, чтобы его принимали за русского и на кате-

горичный вопрос "Ты пермяк?" - нехотя отвечает: "Не скроешь, пермяк" (14).

Осознание своей принадлежности, как мы уже отметили, есть наиболее важный элемент в структуре этнического самосознания, и применительно к коми-пермякам можно сказать, что уже в прошлом столетии именно в этом отношении не только не существовало устойчивых представлений, но вполне очевидно происходило становление "комплекса этнической неполноценности". Культивирование этого чувства неполноценности не только вызывает стремление к смене этнической принадлежности (реальной или мнимой), но и как бы делит этнос на некие новые группы, в зависимости от уровня их деэтнизации. Безусловно, на эту этническую дифференциацию оказало влияние и прежнее локальное самосознание, пережитки которого еще сохраняются в какой-то мере. Так, в Коми-Пермяцком округе распространено мнение, что "настоящие коми-пермяки" сохраняются лишь в Кудымкарском и Юсьвинском районах (хотя определение "иньвенцы", "иньвеньские пермяки" сейчас не употребляется), а так называемые "гайнские", т.е. северные коми-пермяки уже утратили этническое своеобразие, ибо долгое время находились под мощным инонациональным воздействием, особенно в лесных поселках, которых здесь больше, чем в других районах, и которые отличаются многонациональным составом населения.

Интенсивные межэтнические контакты у коми и коми-пермяков, активные процессы деэтнизации, характерные для обоих этносов, изменения в этнокультурных ориентациях привели к тому, что в настоящее время чрезвычайно усложнился характер этнической идентификации у представителей обоих этносов. Коми сегодня свойствен множественный характер этнической идентификации. И именно здесь наиболее очевидно проявляется разница между коми и коми-пермяками в их самоощущениях. Сошлемся на данные опроса 1992 г. (Коми-Пермяцкий округ) и опроса весны 1996 г., проведенного в рамках программы "Социально-психологический мониторинг в Республике Коми" (15).

Однозначная этническая идентификация, т.е. восприятие себя только представителем собственного этноса, свойственна для 61,7% коми и для 37,9% коми-пермяков. Двойной идентичности придерживаются 33,0% коми и 20,0% коми-пермяков. Заметим, что явление двойной идентичности весьма характерно для России и особенно для бывшего СССР. Наиболее очевидным свидетельством тому являются украинцы в России и русские на Украине: "В отличие от русских на Украине, украинцы в России расселены более дисперсно

и гораздо более аккультурированы в русскоязычную среду. Фактически большинство тех и других обладает двойной идентичностью, т.е. является одновременно и русским, и украинцем по культуре и самосознанию" (16). В Республике Коми, по данным указанного опроса 1996 г., 53,5% украинцев обладают двойной идентичностью, среди представителей других национальностей таковых 50,4% (в связи с чем логично усомниться в реальности статистических данных о численности народов России).

Но кроме людей с двойной идентичностью, в каждой национальной общине населения того или иного региона имеются и те, кто признает себя либо в большей мере, либо полностью представителем другой национальности, т.е. их "паспортная национальность" и их собственное этническое самоопределение совершенно не совпадают. Особенно обращает на себя внимание тот факт, что у коми доля тех респондентов, которые назвали себя "в большей мере представителем другой национальности", - 1,1%, а у коми-пермяков таковых в несколько раз больше; кроме того, у них значительно больше доля не определившихся со своей этнической принадлежностью.

Различия в характере этнической идентификации между городским и сельским населением заметны. Но разрыв между этими группами не столь ощутим в Республике Коми и весьма значителен в Коми-Пермяцком округе: так, среди коми горожан однозначно идентифицируют себя с собственным этносом 57,7% респондентов, среди сельских жителей - 65,7%, а среди коми-пермяков аналогичные показатели соотносятся как 22,6% и 45,5%. Такая разница не случайна и является результатом длительных и очень активных процессов этнической эрозии среди коми-пермяков, что находит отражение и в сфере этнической психологии. Не случайно, что только 39,6% коми-пермяцких респондентов заявили, что они "безусловно гордятся" своей национальной принадлежностью (среди горожан таковых 30,5%, селян - 44,8%). При этом надо заметить, что более определенной, более этнически ориентированной является та часть коми-пермяцкого населения, которая проживает на юге округа. Городские поселения в округе молоды и в значительной мере сохраняют традиции сельского образа жизни, к тому же значительную часть их жителей составляют мигранты из села (в Кудымкаре это 47,8% жителей). Тем не менее даже в условиях не полностью сформировавшейся городской среды, в условиях неукоренившихся городских традиций происходит отрыв от национальной культуры, от собственных этнических ценностей, ибо городская культура сельскими этносами воспринимается как иноэтниче-

ская или деэтнизированная. В этой связи весьма характерным является замечание, высказанное одной из городских респонденток: "Я чувствую себя коми-пермячкой только тогда, когда приезжаю в свою родную деревню".

Применительно к диаспоре мы можем пользоваться только косвенными данными, в частности оценками тех, кто в свое время покинул округ, но затем вновь вернулся сюда. Показательно, что часть из этих людей также уже не отождествляет себя с собственным этносом. Когда от них слышишь о коми-пермяках, часто эти суждения нелестны. Весьма примечательно, что в отношении представителей собственного этноса они в данном случае используют не местоимение "мы", а местоимение "они" ("Они, эти коми-пермяки, совсем не могут за себя постоять - вот за что я их не уважаю"). Впрочем, явления, связанные с отходом от национального языка и культуры, неоднократно отмечались исследователями и в отношении других финно-угорских народов России.

Сознание горожан коми-пермяцкой национальности является маргинальным, ибо примерно равные доли респондентов определяют себя и коми-пермяками, и русскими. Но важно, что однозначно осознает себя коми-пермяками только пятая часть городской коми-пермяцкой общности. Характерно, что многие городские жители, равно как и жители лесных поселков, райцентров, вполне отчетливо осознают себя маргиналами. Часто можно услышать от них: "Ме коми - роч"(я и русский, и коми). Причем нередко бывает так, что в одной ситуации человек говорит: "Я - пермяк" или "Мы же с тобой пермяки, не так ли!", а в другой заявляет, что он уже фактически русский, т.е. эта маргинальность проявляется и в самооценках, и в поведении.

Важное значение имеет тот факт, что принадлежность к коми-пермяцкому этносу не воспринимается сегодня как одна из значимых ценностей. У коми же ситуация иная. Так, даже опрос учащейся молодежи в марте 1997 г. показал, что для половины коми респондентов национальная принадлежность является значимым фактором.

Сама специфика национального характера коми-пермяков и отношение к ним со стороны соседей, властей и собственной интеллигенции влияли и влияют на эволюцию их самосознания, на их самоощущения. Приведем некоторые мнения исследователей относительно национального характера коми-пермяков.

"Зыряне, живя на больших реках, среди дремучих, почти беспредельных лесов, не зная крепостного права, развили в себе предприимчивость, удалство, энергию. Вотяки, хотя оттеснены на мелкие

речки, все же имеют свои леса, свою свободу, в дебрях своих сохранили свою религию и стали образцовыми земледельцами. Пермяки же не выразили своих индивидуальных черт так свободно, как их соплеменники. Недоверие, упрямство, пессимизм - вот что характеризует пермяка. Вид его унылый, черты лица выражают мрачность и неподвижность. У них нет интеллигенции, им сочувствующей" (17). Еще раньше Добротворский отмечал, что преобладающей чертой в характере пермяков является апатия и полное отсутствие всякой инициативы. По его мнению, пермяк не заботится о будущем, не заглядывает в него и живет исключительно настоящим. Ни погони за наживой, ни жажды новых впечатлений, ни стремления улучшить свое положение - ничего этого нет в характере коми-пермяков, и коми-пермяки напоминают "мертвое царство" (18). Такие же свидетельства мы встречаем и у Ф.Теплоухова, и у других исследователей (19).

Историческая судьба коми-пермяков, повседневные реальности их бытия, безусловно, повлияли на их мировосприятие и на самооценки. На этническую психологию коми-пермяков оказало мощное воздействие их крепостное состояние, ибо, как мы уже указывали, большая их часть, а именно иньвенские коми-пермяки, были крепостными Строгановых с начала XVIII столетия. Но и после освобождения от крепостной зависимости пермяки оставались в полной зависимости от землевладельцев, так как леса и земли принадлежали последним и крестьянам было запрещено пользоваться ими, не уплатив денег. Денежных же средств, как правило, у крестьян не было, поскольку они страдали от малоземелья и низкого плодородия местных почв. В связи с этим жизнь их была чрезвычайно тяжела, что очень ярко было описано в повести Ф.Решетникова "Подлиповцы", получившей громкую известность во второй половине прошлого века (20).

Нишенское существование и забытое состояние пермяка сформировали снисходительное отношение к нему не только со стороны чиновничества, но и в среде окрестного русского населения, тесные контакты с которым на протяжении нескольких столетий были характерным явлением для коми-пермяков. В результате этих контактов их язык оказался насыщен русизмами, в генезисе жанров коми-пермяцкого фольклора большую роль сыграла русская фольклорная традиция (21), их обрядовая жизнь повторяла жизнь русских крестьян, их культурные ориентации были ориентированы на русских. В итоге коми-пермяки приобрели так называемое колонизированное сознание, когда они стали относиться к своему языку и культуре с пренебрежением, перенятым от представителей преоб-

ладающего большинства (22). Такая ситуация приводила к тому, что они стремились перенимать все русское, и прежде всего это происходило в этноконтактных зонах, т.е. особенно сильно обрушение было заметно в деревнях со смешанным населением, где коми-пермяки говорили по-русски, рождались с русскими, перенимали от них все мелочи быта. Русский крестьянин для коми-пермяков, как отмечал И.Смирнов, был для них неким идеалом (23).

Принципиально ситуация не менялась до 20-х годов нынешнего столетия, когда начался процесс национально-государственного строительства и недолгий период национально-культурного пробуждения коми-пермяков. Тогда был создан национальный округ, появилась национальная школа, возникла профессиональная художественная культура и стала формироваться национальная интеллигенция, которая должна была быть главным хранителем и пропагандистом национальных ценностей.

Тем не менее можно предположить, что на самосознание коми-пермяков в большей мере оказали влияние не национальная художественная культура и местная интеллигенция, а обстоятельства их жизни в последующие годы: коллективизация и связанное с этим разрушение традиционного хозяйства, сильный голод 1933-1934 и 1937 гг., высылка в округ большого количества спецпереселенцев, создание лесных поселков, ставших центрами межэтнического взаимодействия, усиливающееся давление на крестьянское население края административной системы, а затем, конечно, серьезное воздействие на сознание народа оказали военные годы и трудная послевоенная эпоха. В эти годы заметно изменилась этническая ситуация на севере округа - в Гайнском и Косинском районах, произошло глобальное столкновение традиционного образа жизни крестьянства с новыми политическими и экономическими реальностями, которые стали определять и повседневную жизнь крестьян.

В Коми республике коллективизация и война не имели таких разрушительных последствий, как в округе, а бурное развитие экономики привело к тому, что социальная структура этноса оказалась идентичной структуре доминирующих этнических групп, сформировался значительный слой национальной интеллигенции и социально продвинутая часть этноса была интегрирована в его структуру, что создавало условия для культурного воспроизводства.

Коми-пермяки, оставаясь по-прежнему сельским этносом, испытывали все более усиливающийся гнет государства, явственно осознавали свое приниженное положение. Особенно это стало очевидным в 50-60-е гг., когда рядом с крестьянскими хозяйствами

набирали силу лесозаготовительные предприятия, где были сосредоточены более квалифицированные рабочие кадры, где уровень оплаты труда был значительно выше, где были созданы лучшие условия для жизни и где вместе с этим была сосредоточена значительная часть интонационального населения округа. Такое социально-профессиональное разделение национальных групп населения привело лишь к усилению негативного отношения к коми-пермякам, ибо они воспринимались как менее образованная и занимающаяся менее престижным делом часть населения. И поэтому достаточно часто сегодня можно услышать от многих коми-пермяков, проживающих в округе, примерно одинаковую оценку состояния межэтнических отношений в те годы: "В 50-е годы коми-пермяков и за людей-то не считали". Особенно часто говорят так в отношении гайнских и косинских коми-пермяков.

Ощущая негативное отношение к себе со стороны иноэтнического населения, коми-пермяки вместе с тем не ощущали должного внимания к нуждам своего народа и со стороны властей, как местных, так и областных. В округе практически отсутствовало транспортное строительство, не развивалась промышленность и социальная сфера. Население и особенно интеллигенция считали, что их нуждами пренебрегают, и прежде всего свои пермские власти, и связывали это с имевшим место пренебрежительным отношением к коми-пермякам.

В течение всех прошедших после Октябрьского переворота 1917 г. десятилетий округ входил в административное подчинение Уральской, а позднее Пермской областей и находился в прямой и непосредственной зависимости от областного руководства. Все эти годы он финансировался по остаточному принципу. По мнению же местных интеллектуалов, чтобы решить экономические и социальные проблемы округа, надо было построить здесь железную дорогу, создать предприятия по лесопереработке, а не вывозить древесину за его пределы. Но этого сделано не было, потому что само руководство округа, равно как и области, не было озабочено интересами коми-пермяцкого народа: "Партийно-советские же органы округа, руководствуясь в своей деятельности не принципами подлинной заинтересованности развития необходимой для нации промышленности, а чаще всего принципами угодничества, меркантилизма и карьеризма, ни на чем не настаивали, проводили соглашательскую политику" (24).

Чувство глубокой национальной обиды и безысходности жизни в округе заставило многих коми-пермяков покинуть родные края в поисках более достойной жизни. При этом выезжала наиболее гра-

мотная, дееспособная часть этноса. Тем самым его культурный и воспроизводственный потенциал еще более понижался, а этническое самосознание размывалось.

У коми, прежде всего у сельских жителей, наблюдается достаточно высокий уровень этничности во всех районах, где доля коми населения традиционно высока. Более того, если в городе происходят активные процессы аккультурации и ассимиляции среди коми, то на селе порой наблюдаются процессы обратного порядка. Здесь доминирующее коми население активно ассимилирует иноэтнические компоненты в составе жителей небольших сел и деревень, где таковые просто растворяются в моноэтнической среде. Такие явления можно наблюдать и в республике, и в округе, но это скорее исключение, нежели правило. В таких же поселениях, как лесные поселки и очень крупные села, вектор этнических процессов во многом сходен с тем, что имеет место в городах.

В целом же надо отметить, что коми-пермяки обладают неуверенным, шатким идентитетом, и следствием этого неизбежно станет углубление процессов ассимиляции. Коми имеют достаточно устойчивый этнический идентитет, хотя городская часть этноса вряд ли способна сдержать нарастание процессов аккультурации и ассимиляции, и потому здесь смена этнического самоопределения у молодежи стала широко распространенным явлением.

С особенностями этнического самосознания, характером этнической идентификации в немалой степени связаны этнополитические воззрения населения и его гражданская идентификация. Тот факт, что этническое самосознание коми в большей мере актуализировано, нежели у коми-пермяков, определил и существенную разницу в их этнополитических взглядах.

Этничность оказывает весьма заметное воздействие на электоральное поведение коми, их политические позиции и предпочтения. К примеру, около половины коми, как свидетельствуют данные ряда массовых опросов, предпочли бы, чтобы высшим должностным лицом в республике был человек коми национальности; значительная часть коми во время избирательных кампаний руководствуется именно этим соображением. Среди коми самая значительная доля респондентов поддержала провозглашение декларации о государственном суверенитете республики (данные массового опроса 1993 г., проведенного в рамках российско-американского исследовательского проекта "Предвыборная ситуация в России"). Хотя подавляющее большинство коми высказываются за предоставление равных прав для представителей всех национальностей, при оценке конкретных правовых ситуаций значительная их часть

фактически отрицает это равенство. Так, около 40% коми респондентов во время уже упомянутого опроса 1996 г. высказались за те или иные приоритеты для представителей титульного этноса в политической, экономической и культурной областях. Что касается гражданской идентичности, то здесь также вполне очевидно влияние актуализированного этнического самосознания коми: если русские, проживающие в республике, в основном считают себя либо гражданами России, либо одновременно россиянами и гражданами республики, то около 40% коми считают себя только или в основном гражданами республики и примерно такая же их доля заявляет о том, что воспринимает себя в равной мере гражданами и Коми, и России.

У коми-пермяков этничность практически не влияет на их электоральное поведение, на этнополитические взгляды в целом. В округе всеми группами населения не поддерживается идея суверенитета (в свое время поспешно принятая декларация была через несколько месяцев отменена), и в настроениях коми-пермяков наблюдается очевидное преобладание российской идентичности над любыми другими формами. Очевидно, что "размытое", ослабленное этническое самосознание коми-пермяков не способствует мобилизации этничности в политическую сферу. Вместе с тем, вероятно, что здесь сказывается и то, что названные народы находятся на разных стадиях модернизации: коми уже пережили этап активной индустриализации, а коми-пермяки не прошли этот этап, их округ продолжает оставаться отсталой, неиндустриальной окраиной, что дало повод финскому исследователю Сеппо Лаллукка назвать его внутренней советской колонией (25). По мнению же Эрнеста Геллера, только в индустриальном обществе возможно национальное пробуждение, а в сельских общностях, где национальная культура воспроизводится повседневной средой, для этого нет почвы: "Нации, этнические группы, - отмечает он, - не были националистическими, когда государства складывались в сравнительно стабильных аграрных системах" (26).

Таким образом, очевидно, что у народов коми происходят заметные изменения в их этническом самосознании. От того, насколько оно актуализировано, в значительной мере зависят этнополитические позиции населения. Разница в этническом самосознании коми и коми-пермяков и в характере его эволюции очень значительна, и это означает, что стать базой для интеграции этих этносов их самосознание уже не может.

1. Дробужева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития ((Советская этнография. 1985. № 5. С.7.
2. Штрихи этнополитического развития Республики Коми: Статьи. Материалы. Документы (Составитель Ю.П.Шабаев. М., 1994. Т.1.
3. Коми му. 1995. 12 янв.
4. Коми земля в цифрах: Стат. сб. Сыктывкар, 1991.
5. Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996.
6. Коми-пермяцкий язык (Под ред. В.И.Лыткина. Кудымкар, 1967. С.5.
7. Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М., 1991. С. 169.
8. Чагин Г.Н. Язывинские пермяки. Пермь, 1993. С.7.
9. Еропкина Н.Д., Макарова Г.Г. Демографический потенциал и социально-экономическое развитие Коми-Пермяцкого автономного округа ((Проблемы развития производительных сил и охраны природы Коми-Пермяцкого автономного округа. Кудымкар, 1987. С. 15.
10. Финно-угорские регионы России в цифрах: Стат. сб. Сыктывкар, 1996. С.37.
11. Пименов В.В. Удмурты: опыт компонентного анализа этноса. М., 1977. С.99.
12. Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Современные коми... С.93.
13. Бызова В.М. Психология этнических различий: проблемы менталитета, отношений, понимания: Автореф. дис... д-ра психол. наук. СПб., 1996. С.34.
14. Смирнов И.Н. Пермяки: Историко-этнографический очерк. Казань, 1891. С.173.
15. Вячеславов В.Г., Ковалев В.А., Шабаев Ю.П., Ярошенко С.А. Республика Коми: экономика, политика, национальные отношения ((Вестник Госсовета Республики Коми. 1996.№3.С.25.
16. Тишков В.А. Стратегия и механизмы национальной политики ((Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С.П.
17. Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990. С.305.
18. Добротворский Н. Пермяки: Бытовой и этнографический очерк ((Вестник Европы. Год восемнадцатый. 1883. Т.2. Кн. 3,4. С.253.
19. Теплоухов Ф. Пермяки и зыряне ((Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып.2.. С.122; Камасинский Я. Около Камы: Этнографические очерки и рассказы. М.,1905. С.22.
20. Решетников Ф.М. Подлиповцы. М., 1864.
21. Ожегова М.Н. Коми-пермяцкие сказания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь, 1971.С.3-4.
22. Информационный бюллетень консультативного комитета финно-угорских народов. 1993. №1. С.7.
23. Смирнов И.Н. Пермяки...С.176.
24. Фадеев Г.П. Будьте бдительны, пермяки! (Миян шог. Наша боль. Кудымкар, 1990.С.69-70.
25. Lallukka Seppo Komiperjäkät - peramaan kansa. Syryjyminen ja postkommunistinen murto. Helsinki, 1995. P. 18-64.
26. ГеллнерЭ. Нации и национализм. М., 1991. С.252.